

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(Н И У « Б е л Г У »)**

**ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК И МАССОВЫХ
КОММУНИКАЦИЙ**

ФАКУЛЬТЕТ ЖУРНАЛИСТИКИ

Кафедра коммуникативистики, рекламы и связей с общественностью

**РЕЧЕВЫЕ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ
В ПОЛИТИЧЕСКОЙ PR-КОММУНИКАЦИИ**

Выпускная квалификационная работа

**студентки очной формы обучения
направления подготовки 42.03.01 Реклама и связи с общественностью
4 курса группы 10001515
Ауловой Ирины Сергеевны**

Научный руководитель
доцент кафедры
коммуникативистики,
рекламы и связей с
общественностью
Крюкова С.В.

БЕЛГОРОД 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА I. ХАРАКТЕРИСТИКА ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА	
1.1. Понятие политического дискурса.....	6
1.2. Политический дискурс как институциональный тип.....	13
Выводы к главе I.....	16
ГЛАВА II. ПРЕЗИДЕНТСКАЯ РИТОРИКА КАК ВИД ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА	
2.1. Понятие «жанр»: критерии классификации.....	17
2.2. Жанровая палитра политического дискурса.....	20
2.3. Диалогические жанры политической риторики.....	29
Выводы к главе II.....	30
ГЛАВА III. РИТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РЕАЛИЗАЦИИ ДИАЛОГИЧЕСКИХ ЖАНРОВ	
3.1. Стратегии и тактики коммуникативного поведения политиков.....	32
3.2. Интертекстуальность как характерная особенность президентского дискурса.....	37
3.3. Невербальные средства воздействия в президентской риторике.....	40
Выводы к главе III.....	44
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	46
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	48
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ.....	53
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	54

ВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования обусловлена тем, что политический язык — официальный язык государственной власти. Он является сферой повышенной речевой ответственности. Средства воздействия политического языка отличаются от языковых средств, которые используются в публицистической, художественной, разговорной речи.

Для того чтобы достичь поставленных целей, современному политику нужно обладать обширным словарным запасом и грамотно оперировать терминами. Также политическому деятелю необходимо знание основ риторики, политологии, психологии, социологии и других наук, чтобы производить желаемый эффект в общении со слушателями.

В публичной речи политика важно применение различных коммуникативных тактик и стратегий. Под стратегией понимается определенное поведение в коммуникативном акте, которое направлено на достижение целей коммуникатора с помощью различных средств. Коммуникативная тактика представляет собой совокупность коммуникативных задач и намерений. Тактика и стратегия являются важными элементами политического дискурса.

Политический язык — одна из важнейших форм презентации актуальной информации. Из-за постоянных социально-политических изменений общества меняется политическая коммуникация, так как политику необходимо учитывать динамику общественного развития, а также прагматические характеристики языковых средств и их сочетание в рамках определенного выступления.

Для эффективного взаимодействия с аудиторией и достижения желаемых результатов политику необходимо учитывать ситуацию общения и правильно использовать механизмы воздействия.

Именно политика как объект политического дискурса, как сфера его функционирования определяет его содержание. Политический дискурс

представляет мир политики, в который входят ораторские выступления, посвященные политике, официальные тексты на политическую тему, постановления, указы, законы, научные политологические статьи, газетно-публицистические тексты. Каждая из этих разновидностей политического дискурса имеет свои цели.

В работе мы исследовали риторику президента США Д. Трампа и президента РФ В. Путина. Такой выбор обусловлен тем, что коммуникативное поведение этих политиков может повлиять на политическую ситуацию не только в рамках страны, но и в мире в целом. В предвыборной гонке коммуникативное поведение Д. Трампа помогло ему добиться голосов избирателей. В. Путин, в свою очередь, за время своего президентства оказал значительное влияние на формирование внешней и внутренней политики РФ. В. Путин и Д. Трамп, безусловно, яркие игроки на политической арене, и это не в последнюю очередь связано с их публичными выступлениями. Кроме того, коммуникативные тактики и стратегии, используемые политическими лидерами, влияют не только на образ политика, но и на формирование имиджа страны.

Объект исследования: политическая PR-деятельность, реализуемая в устном политическом дискурсе.

Предмет исследования: диалогические жанры устного политического дискурса.

Цель исследования: охарактеризовать реализуемые в диалогических жанрах устного политического дискурса коммуникативные стратегии и тактики.

Задачи исследования:

- изучить понятие политического дискурса и определить его функции;
- рассмотреть понятие жанра;
- описать жанровое пространство политического дискурса;
- рассмотреть диалогические жанры политической риторики;

- проанализировать материалы публичных выступлений политиков на предмет использования коммуникативных стратегий и тактик;
- выявить элементы интертекстуальности в материалах публичных выступлений политиков;
- проанализировать материалы публичных выступлений политиков на предмет использования невербальных средств воздействия.

Теоретическую базу исследования составили труды отечественных и зарубежных учёных в следующих научных областях:

- 1) теории политического дискурса: Н.Д. Арутюнова, М.Я. Блох, Е.И. Шейгал и др.;
- 2) основ риторики: И. Летушина, А.К. Михальская, О.П. Фесенко и др.;
- 3) речевых стратегий и тактик: В.Б. Кашкин, Г.А. Копнина, Л.Р. Дускаева и др.;
- 4) невербальных средств воздействия: А.М. Пожарская, С. Степанов, И. Стернин, И. Лешутина и др.

Методологическую базу составили общенаучные методы (дедукция, синтез, индукция). В работе также используется метод научного описания, построенный на приемах сбора информации, наблюдения, обобщения, сопоставления и классификации эмпирического материала.

Эмпирическую базу составили 5 материалов выступлений В. Путина и 5 материалов Д. Трампа: прямые линии, пресс-конференции.

Апробация работы. Исследование прошло апробацию в рамках выступления в секции «Связи с общественностью: стратегии и инструменты» во время студенческой научной сессии на факультете журналистики в 2019 году. По итогам конференции размещен материал «Стратегии и тактики коммуникативного поведения политиков (на материале диалогических жанров политического дискурса)» в журнале «Дискурс-анализ» (июнь 2019). [discourseanalysis.org/ada22/st244.shtml]

Структура работы. Работа состоит из Введения, трех глав, Заключения, Списка литературы и Приложений.

Глава I. Характеристика политического дискурса

1.1. Понятие политического дискурса

Политический дискурс является одной из разновидностей дискурса, его цель – укрепление и поддержание политической власти. Для того чтобы уточнить объем понятия «политический дискурс» и рассмотреть принципы его структурирования, необходимо рассмотреть сущность понятия «дискурс».

Общепринятого и общеупотребительного определения понятию «дискурс», которое охватывало бы различные сферы его употребления, как считают многие исследователи, нет.

Дискурс можно назвать сложным многоплановым явлением, которое представляет собой совокупность элементов, которые вместе образуют единое целое.

Многие исследователи определяют дискурс как язык в «многомерном пространстве», «погруженный в жизнь», контекст, или ситуация общения; язык, организованный в соответствии со структурами, присущими высказываниям в различных сферах социальной жизни.

Л. Филлипс и М. Йоргенсен относятся к дискурсу как к «аналитической концепции» и определяют его границы «стратегически по отношению к целям исследования». Цели исследования, в свою очередь, определяют позицию, «которую исследователь занимает относительно материала и, следовательно, то, что можно рассматривать как отдельный дискурс» [Филлипс, Йоргенсен 2004]. По мнению ученых, анализируя язык, используемый в разных сферах социальной жизни, важно учитывать социальные институты и организации.

По определению Н.Д. Арутюновой, дискурсом можно назвать связный текст, взятый в совокупности с прагматическими, социокультурными, психологическими экстралингвистическими факторами. Эту разновидность текста невозможно представить вне ситуативного контекста и событийной направленности. Такая речевая разновидность рассматривается как

«целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмов их сознания» [Арутюнова 1990].

Российский лингвист М.Я. Блох определяет дискурс как целый и завершенный текст, определенный тематически, который рассматривается в ситуации общения [Блох 2000].

Сара Милс, автор книги «Discourse. The New Critical Idiom», приходит к выводу, что определение дискурса становится все более распространенным в различных сферах научной деятельности: социологии, психологии, лингвистики, философии и т.д. Автор говорит о том, что каждой из научных сфер к понятию дискурса подходят по-разному [Mills 2004].

Похожего мнения придерживается и С.Ю. Тюрина. В статье «Дискурс как объект лингвистического исследования» она говорит о дискурсе как объекте междисциплинарного изучения. Автор считает, что понятие дискурса связано не только с лингвистикой, но и с антропологией, этнологией, литературоведением, теологией, юриспруденцией и т.д. [Тюрина 2008].

Лингвист Норман Фэрклаф считает, что понятие дискурс относится к таким уровням социального мира как: текст, язык, практика, контекст – и взаимодействию этих элементов между собой [Fairclough 1995].

В зарубежных исследованиях лингвистическое понимание дискурса весьма неоднозначно. Швейцарский лингвист Патрик Серио выделил восемь определений этого понятия: «употребление единиц языка, их речевую актуализацию»; «единица, по размерам превосходящая фразу»; «теоретический конструкт, предназначенный для исследования условий производства текста»; «воздействие высказывания на его получателя с учетом ситуации высказывания»; «эквивалент понятия «речь», т.е. любое конкретное высказывание»; «беседа как основной тип высказывания»; «социально или идеологически ограниченный тип высказываний, например, феминистский дискурс, административный дискурс» [Серио 1999].

Американский лингвист Дебора Шиффрин говорит о дискурсе как о высказывании, имея в виду то, что дискурс представляет собой целостную

совокупность функционально организованных единиц употребления языка [Schiffrin, Tannen, Hamilton 2008].

В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» раскрывается ситуативное понимание дискурса. По мнению авторов словаря, дискурс — это «связный текст в совокупности с экстралингвистическими - прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное, социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)» [Ярцева 1990].

Современная лингвистика трактует понятие дискурса как близкое по значению со словом текст. Понятие дискурса весьма неоднозначно и отечественные исследователи пытаются искать русские эквиваленты этого термина: речь, текст, тип речи, тип текста.

Отечественный лингвист А.И. Варшавская предлагает ввести понятие дискурс-текст, где дискурс понимается как процесс языкового мышления, а текст как сообщение, с помощью которого осуществляется дискурс [Варшавская 1984].

Дискурс, в широком его значении, понимается как деятельность, которая представляет собой языковой материал в звуковой либо графической презентации.

В узком значении дискурс представляет собой последовательность языковых единиц, связанных между собой, которые в определенное время, в определенном месте, с определенной целью создаются говорящим для слушающего.

Термин «дискурс» в современной лингвистике используется для обозначения таких видов речи и речевых произведений, осмысление которых нужно строить, учитывая совокупность языковых и неязыковых факторов

В качестве институционального типа дискурса выделяется политический дискурс.

Для того чтобы определить границы этого явления, необходимо обратиться к понятию «политика». Это понятие имеет множество значений и используется в узком и широком смысле.

«Политика» в узком смысле означает направленную определенным образом деятельность государства или социальных групп в экономике, социальных и национальных отношениях, демографии, безопасности и т.д. Кроме того, термин «политика» означает вопросы и события общественной, государственной жизни. В широком смысле «политика» — это программы действий, различных видов деятельности человека, общественного института по руководству кем- или чем-либо.

Понятие «политика» часто рассматривают как совокупность действий и мер, которые направлены на достижение конкретных целей. Также политику можно понимать как искусство или науку о том, как влиять на идеи и убеждения отдельных личностей или общества в целом. Политика также обозначает форму правления, общественный или государственный строй, устройство.

В зависимости от сферы применения в понятии «политика» выделяются различные аспекты и значения.

С социологической точки зрения политика представляет собой сферу деятельности, которая связана с отношениями между различными социальными группами, целью которых является завоевание и поддержание власти. Также в социологии политика понимается как общественная деятельность, связанная с определением форм и содержания, функций и задач государства и направленная на осуществление общих целей, реализуемая посредством обществ, классов, организаций или различных социальных групп.

Если понимать дискурс как «сложное коммуникативное явление» и учитывать соотношение таких понятий как «дискурс» и «текст», можно определить дискурс как текст, который представлен особыми речевыми средствами, связанный с конкретной коммуникативной ситуацией и

определенным контекстом. Исходя из этого понимания дискурса, политический дискурс представляет собой связанные с ситуациями общения и представленные особыми речевыми средствами тексты, относящиеся к политической сфере общества.

В.А. Маслова в статье «Политический дискурс. Языковые игры или игры в слова?» говорит о разделении понятия дискурса на узкий и широкий смысл. В широком смысле политический дискурс включает в себя формы общения, в которых субъект, адресат или содержание сообщения относится к сфере политики [Маслова 2008].

Определение политического дискурса в лингвистической литературе представляется как многогранное явление, включающее в себя множество различных элементов, которые образуют между собой единую систему.

Политический дискурс в узком смысле в лингвистической литературе рассматривают как один из видов дискурса, цель которого – завоевание, поддержание и осуществление власти.

В широком смысле политический дискурс рассматривают как совокупность таких речевых актов, которые используются в политических дискуссиях и правилах, использующихся в публичной политике.

Нидерландский лингвист Тён Ван Дейк придерживается узкого определения понятия «политический дискурс». Он считает, что политический дискурс является дискурсом политики, который реализуется посредством документов правительства, дебатов, политических речей, программ партий и т.д. То есть, по мнению лингвиста, политический дискурс ограничивается только профессиональными рамками деятельности политиков. Этим ученый обращает внимание на институциональный характер политического дискурса. Также он полагает, что политический дискурс – это класс жанров, ограниченный социальной сферой, а именно политикой. Политический дискурс является политическим, когда он сопровождает политический акт в политической обстановке [Dijk 1998].

В своей работе «Семиотика политического дискурса» Е.И. Шейгал представляет политический дискурс как знаковое образование, которое делится на реальное и виртуальное измерения. В реальном измерении политический дискурс – это текст в определенной ситуации политического общения, а в виртуальном – невербальные и вербальные средства общения, обслуживающие область политической коммуникации [Шейгал 2004].

Описывая структуру политического дискурса, Е.И. Шейгал использует полевой подход. Исследователь считает, что дискурс является политическим, если субъект, адресат или содержание сообщения относится к политической сфере. Согласно подходу ученого, в центре поля политического дискурса находятся речи, заявления, дебаты, т. е. первичные жанры, на краях периферии — статьи аналитического характера, письма в редакцию, пародии, т. е. вторичные жанры. Автор считает, что полевой подход помогает найти точки соприкосновения политического дискурса с институциональными и неинституциональными разновидностями дискурса [Шейгал 2004].

Таким образом, политический дискурс можно рассматривать как тематически определенный текст, который выражает интересы субъектов политики, в процессе их деятельности, рассматриваемый в конкретной ситуации общения. Политику при этом можно рассматривать как систему, которая действует в рамках государственных институтов, и преследует цель извлечь выгоду из взаимных контактов и перераспределения властных ресурсов.

1.2. Политический дискурс как институциональный тип

Институциональный дискурс осуществляется в общественных институтах, основной частью которых является коммуникация. Основным параметром институционального дискурса является набор типичных для данной сферы речевых событий, конкретная тематика коммуникации, определенный набор речевых стратегий и тактик общения.

Политическая коммуникация включает в себя как институциональный, так и неинституциональный виды дискурса. Институциональность, в свою очередь, является системообразующим признаком политического дискурса.

Институциональный политический дискурс разделяют на: аппаратный, т.е. направленный на внутреннюю коммуникацию общественных или государственных структур; дискурс в публичной политической деятельности, который включает в себя публичные выступления, политические документы, интервью политиков и т.д.; политические мемуары действующего политика.

Дискурс реагирования – это дискурс, произведенный в качестве реакции на дискурс политика. Различают институциональный и неинституциональный политический дискурс реагирования.

С.Н. Плотникова считает, что дискурс реагирования, в отличие от дискурса политика, носит неинституциональный характер [Плотникова 2005].

Среди дискурсов реагирования неинституционального характера выделяют:

—масс-медийный политический дискурс, в рамках которого используются журналистские тексты, распространяемые с помощью средств массовой коммуникации;

—тексты, «рядовых граждан», т.е. лиц, не относящихся к области политики, но эпизодически участвующих в политической коммуникации. Это также могут быть письма в редакции СМИ по политическим вопросам, обращения, адресованные политикам и т.д.

Политический дискурс обладает собственной лексикой и фразеологией, т.е. обладает собственным подязыком и тем самым управляет системой профессионально направленных знаков. С помощью целенаправленного отбора языковых средств субъект политики оказывает определенное воздействие на адресата. Это отличает политический дискурс от личностно ориентированного.

Институциональное общение, в отличие от межличностного и художественного, статусно-ориентировано. Если понимать дискурс как

деятельность, отражающую личности и социальные статусы участников общения, то можно выделить статусно-ролевые и ситуативно-коммуникативные характеристики, учитывая способы и условия коммуникации, считает В.И. Карасик. По мнению автора, учитывая социальный статус коммуникантов, можно противопоставить личностный и институциональный дискурсы. В личностном дискурсе говорящий является самостоятельной личностью, а в институциональном представителем конкретного социального института. Ученый отмечает, что в институциональном дискурсе субъект связан не со своим «я», а с «институциональным голосом», связанным с ролью или должностью.

Современная лингвистика связывает специфику институционального дискурса с различными общественными ритуалами, стереотипными суждениями людей, с функциями людей и сооружениями, выполняющими эти функции, а также текстами, которые производятся в этом социальном образовании.

Институциональный политический дискурс включает в себя политические речи, дебаты, публичные выступления, интервью, а также официальный дискурс, который связан с аппаратной коммуникацией, в рамках которой создаются тексты для сотрудников государственного аппарата

Таким образом, институциональность можно назвать системообразующим признаком политического дискурса. В политическом дискурсе степень институциональности является одним из параметров структурирования жанрового пространства.

Выводы к главе I

Политический дискурс рассматривают как тематически определенный текст, который выражает интересы субъектов политики, в процессе их деятельности, рассматриваемый в конкретной ситуации общения. При этом политика рассматривается как система, которая действует в рамках

государственных институтов с целью извлечь выгоду из взаимных контактов и перераспределения властных ресурсов.

Институциональность можно назвать системообразующим признаком политического дискурса. В политическом дискурсе степень институциональности является одним из параметров структурирования жанрового пространства.

Глава II. Президентская риторика как вид политического дискурса

2.1. Понятие жанра и критерии его классификации

Для того чтобы определить жанровую палитру политического дискурса, необходимо обратиться к понятию жанра.

Определение понятия «жанр» разнятся в зависимости от основного аспекта. Отечественный ученый В.Е. Гольдин определяет жанр с точки зрения преобладания социального аспекта [Гольдин 1999]. С позиции социопрагматики жанр определяют такие русские ученые как Н.Д. Арутюнова, Е.А. Земская, М.Ю. Федосюк, Т.В. Шмелёва, О.С. Иссерс. С психолингвистической точки зрения к понятию жанра подошел К.Ф. Седов.

Многие лингвисты считают основополагающим определение жанра М.М. Бахтина. По мнению ученого, жанр является выработанным в определенной сфере использования устойчивым типом высказывания. Высказывание, считает исследователь, является основной единицей речевого общения. Отличительная черта высказывания – завершенность, связанная со сменой речевых субъектов. Завершенность также связана с речевым замыслом или речевой волей говорящего; предметно-смысловой исчерпанностью; определенными композиционно-жанровыми формами завершения [Бахтин 1986].

Индивидуальным является каждое высказывание, но сферы использования языка вырабатывают определенные устойчивые типы высказываний, которые называют речевыми жанрами.

О.А. Крылова определяет высказывание как завершенную по смыслу единицу общения, отграниченную сменой субъектов речи от подобных единиц. Исследователь предлагает заменить «высказывание» на «текст» в определении жанра М.М. Бахтина [Крылова 2006].

Исходя из теории речевых актов, предложенной М.М. Бахтиным, исследователи в области социопрагматики, определяя речевые жанры как главный аспект, выделяли иллокутивный.

Речевой жанр, по мнению Е.А. Земской это единица более крупная, чем речевой акт. Его основной характеристикой является сложное строение, которое включает в себя несколько иллокутивных сил. Также исследователь отмечает, что каждый жанр отличает тематическое строение и установленная композиция [Земская 1988].

К.Ф. Седов и В.В. Дементьев считают, что при подходе к понятию жанра главным является социопрагматический аспект. В своих исследованиях они определяют жанр как «вербальное оформление типичной ситуации социального взаимодействия людей» [Дементьев, Седов 1998].

Среди ученых существует разногласие не только по части определения понятия «жанр», но по части того, что считать за основу речевого жанра как абстрактной категории: речевой акт или текст.

В.П. Москвин отметил, что вопрос, касающийся речевой жанровой основы, остается весьма неопределенным, так как неизвестно, какая именно речевая единица может являться основой речевых жанров. Автор в своей научной статье допускает понимание основы речевого жанра с двух точек зрения:

- текст (в узком понимании речевого жанра);
- речевой акт и текст (в широком понимании речевого жанра)

[Москвин 2005].

Многие отечественные ученые, такие как К.Ф. Седов, В.Е. Хализев, В.М. Кожина, считают нужным разделить понятия «речевой жанр», «текст» и «речевой акт».

В то же время значительное число ученых, таких как Е.А. Земская, К.А. Долинин, Е.А. Иванчикова, М.Ю. Федосюк, Ю. Кристева склоняются к определению речевого жанра прежде всего как текста.

М.Ю. Федосюк понимает речевые жанры как тематически устойчивые, стилистические и композиционные типы текстов [Федосюк 1997].

К.А. Долинин считает, что понятие речевого жанра следует связывать прежде

всего с текстами, а не с речевыми действиями, которые можно реализовать в одном простом высказывании [Долинин 1999].

Т.В. Дубровская систематизирует российские и зарубежные концепции речевого жанра таких исследователей, как Т.В. Матвеева, В.В. Дементьева, Т.В. Шмелёва, Дж.П. Джи, Т. Люкманн, М. Холлидей и Р. Хассан. По мнению ученых, речевой жанр является моделью речевого общения, служащей для решения коммуникативных задач в типичных ситуациях [Дубровская 2003].

Многие исследователи считают, что контекст либо ситуация являются одним из значимых факторов формирования речевого жанра. В исследовании жанра ключевым концептом является понятие деятельности. В.Е. Гольдин, К.Ф. Седов, В. Хэнкс, Дж. Гиббонс подчеркивают, что ситуация и речевое и неречевое поведение тесно связаны между собой.

М. Я. Блох определяет текст как тематически выделенную устную или письменную речь и подчеркивает важность жанра в качестве целеполагающей характеристики текста [Блох 2000].

Таким образом, жанр можно определить как совокупность элементов выражения языковой деятельности, отражающей предназначение речи. Являясь целеполагающей характеристикой речи, жанр связан с деятельностным аспектом жизни человека.

2.2. Жанровая палитра политического дискурса

В политическом дискурсе степень институциональности является одним из параметров структурирования жанрового пространства. По мнению Е.И. Шейгал, жанры политического дискурса можно расположить по оси институциональности/официальности. Исследователь предлагает градуировать такие жанры от максимальной неформальности до максимальной официальности. Анекдоты, слухи и бытовые разговоры о политике рядовых граждан относятся к неформальному общению. На грани

личностного и институционального находится политический скандал. Пресс-конференции, политические речи, указы, законы, политические дискуссии находятся на институциональной части оси [Шейгал 2004].

Жанры политического дискурса можно разграничить по субъектно-адресатным отношениям. В. Дикман предлагает трехстороннюю классификацию жанров политического дискурса:

- коммуникация между институтом и гражданином (политические листовки, петиции, выступления на митингах);
- общественно-институциональный дискурс (политические плакаты, лозунги, постановления правительства, политические выступления);
- коммуникация между агентами в институтах (переговоры, закрытое заседание, политические встречи, круглый стол, партийная программа) [Dieckmann 1981].

Если рассматривать жанр как форму речи, которая является частью коммуникативного события, то можно разделять жанры политического дискурса **по событийной локализации**:

- циклические (ритуальные);
- спонтанные;
- календарные (текущие).

Следует отметить, что разные события могут входить в один жанр.

М.М. Бахтин предлагает разделить жанры политического дискурса на:

- первичный дискурс как основа политической деятельности (политические речи, дебаты, заявления политиков, программы партий, переговоры, лозунги);
- вторичный дискурс, «разговоры о политике» (анекдоты на политическую тему, аналитические статьи, карикатура, интервью, письма в редакцию по политическим вопросам) [Бахтин 1986].

Исследователи политической коммуникации предлагают классификации жанров политического дискурса, исходя из разных параметров и критериев.

Понятие жанра представляет собой разноаспектное явление, которое можно отразить в классификации. Учитывая вышесказанное, можно

представить группы политического дискурса, выделяемые по жанровому критерию, следующим образом:

Иллокутивные жанры (выделяемые по целевой установке) политического дискурса чаще всего уместны для исследований политического дискурса, где параметры прагматики дискурса имеют определяющее значение. Характерные для тематических типов дискурса жанры, по мнению Т.В. Шмелевой, выделяются **по целевой установке** и включают в себя:

- оценочные жанры: политическая реклама;
- этикетные жанры: послание президента Федеральному собранию, иннаугурационная речь, поздравление президента с Новым годом;
- информативные жанры: парламентские слушания, новости, мемуары политиков, парламентские дебаты, переговоры, интервью;
- императивные жанры, призывающие к действию: политический лозунг, указ президента [Шмелева 1997].

Следует отметить, что в одном и том же тексте могут присутствовать оценки, императив и информация или преобладать только один из названных признаков.

Некоторые жанры имеют переходный характер, поэтому можно говорить о существовании промежуточных жанров, например, информационно-оценочных (теледебаты), информационно-императивных жанров (предвыборная программа) и др.

Жанры, выделяемые по форме передачи информации, так же, как и иллокутивные жанры, актуальны для исследований политического дискурса. В этих жанрах рассматриваются интонационные особенности речи, которые могут быть обусловлены устной или письменной формой.

С позиции формы передачи информации выделяют:

- устные жанры: выступление на митинге, парламентские слушания, переговоры, доклад, теледебаты, интервью, беседа;
- письменные жанры: программа, газетная статья, историческая справка аналитические статьи, листовка, мемуары политиков.

По мнению М.М. Бахтина, любая речь является диалогичной, но анализируя определенный дискурс, необходимо различать монологичные и диалогичные жанры.

Жанры, выделяемые по внешней форме, можно разделить на:

— диалогичные: дискуссия, парламентские слушания, переговоры, интервью, теледебаты;

— монологичные: новости, радиообращение, мемуары политиков, инаугурационное послание, поздравление президента с Новым годом.

Смежные типы дискурса имеют тесную взаимосвязь с политическим дискурсом. С позиции полевой жанровой организации дискурса, Е. А.

Шейгал выделяет **жанры, с точки зрения полевой структуры дискурса:**

— маргинальные жанры: политическая карикатура, мемуары политика, фельетон, памфлет;

— прототипные жанры: голосование, лозунг, политические речи, парламентские дебаты.

Жанры политического дискурса с точки зрения способа выражения бывают осложнены или не осложнены паралингвистическими средствами. Осложненный паралингвистическими средствами текст имеет преимущество перед неосложненным, так как мимика, жесты и громкость звучания обуславливают силу воздействия сообщения и повышают степень восприятия текстов адресатом.

По способу выражения выделяют следующие жанры:

— паралингвистически осложненные: политическая карикатура, агитационная листовка/плакат;

— вербальные: теледебаты, интервью, новости.

Учитывая важную роль средств массовой информации в трансляции политических текстов, выделяют **жанры с точки зрения каналов передачи информации:**

— опосредованные СМИ, которые делятся на:

- телевизионные (телеинтервью, теледебаты);
- газетные (аналитическая статья, очерк, информационное сообщение);

- радио-жанры (радиоинтервью, радионовости);
- интернет-жанры (блог);
- не опосредованные СМИ:
- политические речи;
- политический митинг.

Политический дискурс, так же, как и художественная речь, имеет высокую степень афористичности, что дает возможность выделить **афористические жанры политического дискурса:**

- максима;
- политическая пословица;
- лозунг;
- программное заявление;
- девиз;
- памятная фраза.

Жанры политического дискурса **по объему информации** различают:

- средние жанры (листовка, выступление на митинге, парламентские выступления, газетная статья)
- малые жанры (слоган, лозунг, речёвка)
- крупные жанры (программа партии, книга политической публицистики, политический доклад)

Жанровое пространство политического дискурса структурируется относительно знаков ориентации, агональности и интеграции. Выделяют следующие **жанры по характеру ведущей интенции:**

- ориентационные жанры (партийная программа, отчет, конституция, указ, соглашение);
- ритуальные жанры (традиционное обращение на радио, инаугурационная/юбилейная речь);
- агональные жанры (девиз, дебаты, лозунг).

Английский лингвист Н. Фэйрклаф считает, что выделение жанров политического дискурса осложнено тем, что политический дискурс является неоднородным и политику понимают в обществе как институализированную сферу социальной жизни [Fairclough 2003].

Политика меняется относительно социальных изменений, и это дает нам право утверждать, что часто жанры политического дискурса имеют гибридный характер. Н. Фейрклаф, разделяя жанры политического дискурса в соответствии с функциями и сферами деятельности, называет следующие жанры:

— медиатизированные политические жанры: политические радиопрограммы, политическая реклама, интервью политиков, новости, беседа с политиком;

— жанры, имеющие отношение к политической публичной сфере: политические форумы, публичные встречи политиков, фокус-группы;

— жанры, относящиеся к политической системе: речи политических деятелей на конференциях, дебаты, официальные документы [Fairclough 2003].

Х. Гирнт также пользуется функционально-деятельностным принципом. Ученый разделяет жанры политического дискурса по функциональным полям действия:

— достижение внутривнутрипартийного согласия;

— законодательство;

— управление;

— исполнение;

— контроль;

— реклама и сбор голосов;

— создание общественного мнения;

— выражение настроений оппозиции;

— самопрезентация [Girnth 1996].

Многие жанры политического дискурса связаны с пропагандой, т. е. распространением конкретной политической идеологии, убеждений и взглядов.

В жанровом пространстве политического дискурса выражается функциональное сегментирование. Отталкиваясь от понимания жанра как целеполагающей характеристики текста, которая связана с действиями людей

в процессе коммуникации, можно выделить такие жанры политического дискурса, как:

- жанр-оправдание/покаяние;
- информационные жанры;
- призывные жанры;
- убеждающие жанры.

Выделение таких жанров основано на принципе целеполагания и признания того факта, что деятельность является одним из существенных факторов коммуникации. В таких жанрах находит отражение языковая деятельность, которая, в свою очередь, определяет предметный тип текстового содержания.

В жанровом пространстве политического дискурса коммуникативная деятельность политиков содержит:

- призыв;
- убеждение;
- оправдание (покаяние);
- информирование (сообщение).

1. Призыв в политическом тексте может включать в себя утверждения с аргументацией говорящего, который стремится наиболее убедительно сделать свой призыв. Как правило, призыв сопровождается обосновывающей позицию говорящего аргументацией, а также речевыми актами агональности. К жанру призыва можно отнести: публичные выступления политиков, публикации в СМИ, политические лозунги.

2. Жанр убеждения включает в себя диктемы-обвинения, вердикты, осмеяния, разоблачения, в которых реализуются соответствующие речевые акты. В текстах такого жанра главным является убедить адресата сообщения в правильности слов говорящего, принять его тактики и стратегии в сложившейся политической ситуации. В убеждающий жанр можно включить выступления политиков на собраниях, политические дебаты, предвыборные выступления, материалы политического характера в средствах массовой информации.

3. Жанры оправдания (покаяния), часто представлены как публичное выступление, которое отмечено интенцией признания своей неправоты или вины, а также объяснения ситуации. Такой жанр проявляется в речевых актах сожаления и покаяния, реализуемых в соответствующих текстовых диктемах, особенно, в оценочных и фактуально-оценочных типов. Акт раскаяния, как правило, сопровождается изложением программы на будущее, а также призывом к общим усилиям, которые могут быть реализованы в фактуальных и установочных диктемах.

4. Жанр информирования можно назвать ключевой интенцией текста. Информирование часто сопровождается оценкой, которая актуализуется через оценочную и фактуально-оценочную информацию. К такому жанру относятся публичные выступления политиков, инаугурационные речи, парламентские выступления, пресс-релизы, пресс-конференции, ток-шоу, материалы средств массовой информации. Жанры информирования имеют различия по степени агональности и по шкале институциональности. Информирование реализуется посредством диктем-сообщений. Следует учесть, что выступления политиков отличаются от, к примеру, пресс-релиза степенью агональности, что может проявляться в таких речевых актах, как разоблачения и обвинения.

М.Я. Блох считает, что жанры политического дискурса можно разделить по целям высказывания и в зависимости от предметного типа содержания политического текста. Эти два компонента имеют четкую взаимосвязь с политической коммуникацией. Жанровые особенности политического дискурса выражаются в речевой ситуации, наряду с этим цели политических субъектов, в процессе их деятельности, являются главными для речевого взаимодействия [BlokH 2000].

Таким образом, проведя анализ жанровой палитры политического дискурса, мы пришли к следующим выводам.

Жанровое пространство политического дискурса достаточно специфично. Учитывая опосредованный характер СМИ, выделяют жанры по каналу передачи информации.

Политический дискурс тематически определен и ограничен сферами распространения политики. Иллокутивные жанры дополняются специфическими и переходными жанрами, которые обычно осложнены оценкой, учитывая характер оценки политического дискурса. Признаки формальности выполняют роль коммуникативных стратегий.

2.3. Диалогические жанры политической риторики

Диалогические жанры политической риторики являются сложными образованиями, которые включают в себя различные экстралингвистические и лингвистические факторы.

С.А. Сухих, классифицируя диалогические жанры политического дискурса, подчеркивает важность макроинтенции коммуникантов. Исследователь выделяет следующие диалоги:

- диалог-интервью;
- аффиляционный диалог;
- инструментальный;
- интерпретационный [Сухих 1998].

По мнению Н.Д. Арутюновой, диалогические жанры политического дискурса можно выделить согласно целям общения.

Учитывая факт того, что диалогический дискурс в коммуникационном процессе находится в постоянном взаимодействии и перекрещивается с другими видами дискурса, можно сказать, что классифицировать диалогический дискурс по одному признаку нельзя.

Характеризуя диалогическую форму политического дискурса, нужно учитывать цель публичного выступления субъекта политики. Следует

отметить, что коммуникационные цели имеют отношение к реализации языковых функций.

Агональная форма политического дискурса включает в себя сложные речевые события, субъекты которых используют агитационные средства влияния, которые направлены на борьбу с представителями оппозиции за голос избирателя. Политическая речь агитационной направленности имеет целью побудить избирателя выбрать конкретного кандидата.

Декларативно-персуазивные диалогические формы диалогической политической риторики имеют цель убедить адресата сообщения в создании лучшего устройства мира. Политик, выполняя декларативную функцию, провозглашает свое видение принципов государственного устройства, а также политики государства. Следует отметить, что такое сообщение служит для убеждения адресатов в преимуществе того, что предлагает политик. Главной задачей политического деятеля, который дает интервью во время предвыборной гонки, является убеждение электората в том, что конкретный политик имеет достаточно знаний и умений для улучшения жизни населения, а также поднятия авторитета страны/региона.

Диалоги информационно-интерпретационного характера имеют различные формы таких жанров как интервью и «прямая линия». На первый план политического диалога такого характера выступает содержательно-концептуальная информация, которая, в свою очередь, обнаруживает скрытый смысл авторского понимания отношений между событиями и фактами. «Прямая линия» рассматривается как процесс не механического сообщения информации.

Следует отметить, что интервью является самым популярным жанром в политическом дискурсе.

А. К. Михальская предлагает рассматривать специфику политического интервью как речевого жанра. Ученый определяет политическое интервью как публичный речевой жанр, в котором присутствует четкое ролевое деление (на журналиста и политика), где журналист пытается выявить черты политика,

которые могут иметь значение для общества, в то время как политик отвечает на вопросы журналиста так, чтобы способствовать убеждению общества в его положительных качествах как политика [Михальская 1996].

Жанр политического интервью часто не является агональным, то есть журналист не всегда нападает на политического деятеля, а последний не всегда защищается. Все потому, что агональность такого интервью имеет зависимость от типа языковой личности журналиста. Жанр интервью весьма разнообразен и включает в себя:

- эксклюзивные и ожидаемые интервью
- «дежурные» и сенсационные интервью
- пространные и короткие интервью
- портретные и проблемные интервью

Т.И. Попова утверждает, что телевизионный жанр интервью сместил акцент с предмета разговора на собеседника. Она усматривает такую тенденцию в интервью с участником события, экспертное интервью, интервью с личностью. Исследователь также подчеркивает усиление роли ведущего в телеинтервью, что является тенденцией в современной журналистике [Попова 2000].

Субжанром интервью как одного из составляющих жанра в структуре сложного речевого события, считается интервью с включенными в него зрителями. Наличие наблюдателей в процессе общения журналиста с политиками носит визуальный характер.

Существуют жанровые образования, которые возникают при нарушении величины и объема интервью, такие как мини-интервью. В таком формате обычно политические деятели дают журналистам оценку какой-либо ситуации.

Несмотря на появление «имитации» жанра интервью, в нем все равно можно выявить такие характерные отличительные признаки жанра, как композиция «зачин – основная часть – концовка», а также вопросно-ответную структуру.

В. Патцельт выделяет такие жанры политического языка как:

- представительская коммуникация целью которой является публичное воздействие;
- рабочая коммуникация, в которой используется язык, принятый в политической среде: в министерствах и ведомствах, на пленарных дебатах и парламентских фракциях;
- коммуникация достижения целей используется политиком для достижения его тактических целей.

Целями политического деятеля часто являются:

- побуждение адресата сообщения отдать свой голос на выборах за конкретного кандидата;
- признание авторитета политика и укрепление его имиджа;
- убеждение адресата принять позицию, разделить мнение политика;
- создание эмоционального настроения адресата сообщения;
- предоставление адресату сообщения новых знаний и представлений;
- информирование адресата сообщения о точке зрения политика по определенному вопросу.

Политические субъекты в своей деятельности используют тактику, как определенный речевой ход. Тактика в процессе реализации речевой стратегии осуществляет определенные коммуникативные задачи.

Е. В. Рублева выделяет такие тактики телевизионной дискуссии как:

- конвенциональные;
- конфликтные стратегии;
- универсальные;
- презентационные;
- не универсальные тактики [Рублева 2006].

Ю.М. Иванова Е.И. Шейгал выделяют следующие стратегии жанров политических телевизионных дебатов:

- интродуктивная;
- варьирующая;
- аддитивная.

Целью таких стратегий можно назвать замену имеющихся знаний реципиента на новое знание, которое дает политический деятель.

В диалогической речи политические деятели используют определенные тактики, такие как:

- реагирование (манерность, оценка);
- установление авторитета (угроза, демонстрация ответственности предупреждение);
- аполлогизация (признание вины, сожаление, раскаяние);

Часто субъекты политики в диалогической речи используют стратегии конфликта, такие как:

- оппозиционирование;
- дискредитация (компроментация, оскорбление).

Диалогический дискурс в коммуникационном процессе находится в постоянном взаимодействии и перекрещивается с другими видами дискурса. Характеризуя диалогическую форму политического дискурса, важно учитывать цель публичного выступления субъекта политики.

Выводы к главе II

Жанровое пространство политического дискурса имеет глубокую специфичность. Дискурс определяется как совокупность элементов выражения языковой деятельности, который отражает предназначение речи.

Политический дискурс тематически определен и ограничен сферами распространения политики. Иллокутивные жанры дополняются специфическими и переходными жанрами, которые обычно осложнены оценкой, учитывая характер оценки политического дискурса.

Диалогические жанры политической риторики в политическом дискурсе являются сложными образованиями, которые включают в себя различные экстралингвистические и лингвистические факторы.

Диалогический дискурс в коммуникационном процессе находится в постоянном взаимодействии и перекрещивается с другими видами дискурса.

Характеризуя диалогическую форму политического дискурса, важно учитывать цель публичного выступления субъекта политики.

ГЛАВА III. РИТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ДИАЛОГИЧЕСКИХ ЖАНРОВ

3.1. Стратегии и тактики коммуникативного поведения политиков

В публичной речи политика важно применение различных коммуникативных тактик и стратегий. Коммуникативная стратегия, по мнению В.Б. Кашкина, это «часть коммуникативного поведения или коммуникативного взаимодействия, в которой серия различных вербальных и невербальных средств используется для достижения определенной коммуникативной цели» [Кашкин 2000]. С точки зрения Г.А. Копниной: «Речевая тактика – такое речевое действие, которое соответствует определенному этапу в реализации той или иной стратегии...» [Копнина 2008].

В качестве эмпирического материала выбраны публичные выступления президента РФ В. Путина и президента США Д. Трампа, во время которых реализуются свойственные их коммуникативному поведению стратегии и тактики.

Выбор для анализа пресс-конференций обусловлен тем, что коммуникативное поведение политиков на пресс-конференции зачастую являются показателями того, насколько эффективно они умеют применять коммуникативные тактики и стратегии и воздействовать на СМИ и на общество в целом. Важнейшей особенностью пресс-конференций является их диалогичность — выражение в речи взаимодействия двух или нескольких смысловых позиций — фундаментальное свойство всех публицистических текстов, даже внешне монологических [Дускаева 2012].

В. Путин использует **стратегию театральности**, которая обеспечивает зрелищность политической коммуникации [Михалева 2009]. В рамках данной стратегии он применяет **тактику «свой-чужой»** [см. Приложение 1] по отношению к представителям других стран, и проявляет оппозиционную модель поведения. Особенность тактики «свой-чужой» характеризуется

следующим образом: «Соотнесение себя с другими позволяет идентифицировать свою группу, очертить ее границы, описать «своих», понять, как «свои» воспринимают себя». «Чужой» объект считается «врагом», если к нему помимо смысла «не такой, как я», применим смысл «соперничество или угроза для «своих»» [Алиева 2008]. Политик может подчеркнуть некомпетентность говорящего и его вопроса в целом. Такое поведение обусловлено стремлением усилить «свою» позицию и ослабить «чужую», что демонстрирует такой текст В. Путина: *«Интересные вы ребята. Вы не обратили внимания, что ваши конгрессмены, сенаторы так хорошо выглядят, красиво, костюмы у них, рубашки. Они вроде умные люди. Они нас поставили в один ряд с Северной Кореей и Ираном и при этом в то же время подталкивают Президента, чтобы он уговорил нас вместе с вами решать проблемы Северной Кореи и иранской ядерной программы. Вы вообще нормальные люди, нет? Странно, согласитесь, честное слово, это как-то за скобками здравого смысла. Но наша политика, в отличие от политики некоторых стран, всё-таки лишена, главным образом, текущей политической конъюнктуры»* [Путин 2017].

В. Путин использует **стратегию на понижение**, которая характеризуется направленностью на дискредитацию политического противника. В стратегии на понижение применяется тактика **анализ-«минус»** [см. Приложение 1], которую О.Л. Михалева определяет как «описание ситуации, основанное на негативном к ней отношении, однако автор напрямую не заявляет о своем недовольстве». [Михалева 2009]. Реализуя тактику анализ-«минус», В. Путин описывает ситуацию, к которой негативно относится, но не говорит прямо о своем к ней отношении: *«Я Вас уверяю, власть никого не боялась и никого не боится. Но власть не должна быть похожа на бородатого мужика, который лениво выковыривает капусту из своей бороды и смотрит на то, как государство превращается в какую-то мутную лужу, из которой олигархи выковыривают и ловят для себя золотую рыбку, как это было у нас в 90-х годах и как сегодня это на Украине*

происходит. Мы же не хотим второго издания сегодняшней Украины для России? Нет, не хотим и не допустим» [Путин 2017]. Метафоры «мутную лужу», «ловят для себя золотую рыбку» помогают создать яркий запоминающийся образ, который может сильно воздействовать на сознание аудитории.

В рамках **стратегии на повышение** В. Путин использует **тактику отвода критики** [см. Приложение 1], которая заключается в «приведении аргументов, которые позволили бы оправдать те или иные поступки» [Михалева 2009]: *«Вы хотите, чтобы у нас по площадям бегали десятки таких, извините, Саакашвили? Вот те, кого Вы назвали, это Саакашвили, только в российском издании. И Вы хотите, чтобы такие Саакашвили дестабилизировали ситуацию в стране? Вы хотите, чтобы мы переживали от одного майдана к другому? Чтобы у нас были попытки государственных переворотов? Мы всё это уже проходили. Вы что, хотите всё это вернуть? Я уверен, что абсолютное, подавляющее большинство граждан России этого не хочет и этого не допустит»* [Путин 2017]. Таким образом, В. Путин не только перенаправляет вопрос задающему, но и заставляет представителей СМИ задуматься над поднятой проблемой, тем самым склоняя их к своей точке зрения. Вопросно-ответная форма изложения как способ установления диалога создает более комфортную психологическую обстановку общения.

В. Путин часто использует **иронию** по отношению к журналистам, это придает его речи особую остроту: *«Там, по-моему, есть уже человек из Чечни, который в значительной степени организует эту работу, по-моему, фамилия его Кадыров. Он занимается как раз вывозом детей оттуда, что очень правильно»* [Путин 2017].

Часто проявляется еще одна особенность выступлений В. Путина – это **наличие экспрессивно-оценочной лексики**. Такой прием говорит о стремлении политика быть понятным для всех групп населения, и придавать живость речи: *«Ну, из Мирового океана стрельнула подводная лодка баллистической ракетой, да хрен её знает, она в ядерном или неядерном,*

пойди там разберись. Это же очень опасная вещь. И всё это муссируется, обсуждается, и это опасно» [Путин 2018].

С помощью использования в речи **тактики «мы»-форм** В. Путин показывает свое единение с народом – солидаризацию и использует топоры народности и единства: *«Славянский мир сложно развивался. Сама Россия складывалась сложно, из многих славянских племён – шестнадцать или тридцать два племени. В конце концов образовалась Русь, частью которой и центром которой был Киев. И в этом смысле наши исторические, духовные и прочие корни дают мне право говорить, что в своей основе мы один народ» [Путин 2017].*

Д. Трамп так же использует **стратегию на понижение** и тактику **анализ-«минус»**, активно применяет такие приемы как повтор и метафора. Повторяющееся слово привлекает внимание аудитории и воздействует на нее: *«But the fact is, there is no collusion. And I call it the «witch hunt». This should never happen to another President. This is so bad for our country. So bad. You look at this whole hoax -- I call it the Russian witch hunt. I now add the word «hoax». It's a very, very bad thing for our country. But I was impressed with the fact that he -- when -- you know, because the most important question up there was the one on collusion. And he said he saw no collusion» [Trump 2019].*

Одной из особенностей ответов на вопросы во время пресс-конференции Д. Трампа является использование вопросительных предложений. Зачастую он сам себе создает вопрос и сам на него отвечает: *«Well, Sean, I don't want to say it was my decision, because what purpose is that? I want to keep the relationship, and we will keep the relationship. We'll see what happens over the next period of time» [Trump 2019].*

В речи президента Д. Трампа присутствует такой экспрессивный приём, как парцелляция: *«We discussed many ways. And the denuclearization is a very important -- it's a very important word. Become a very well used word. And a lot of people don't know what it means, but to me it's pretty obvious: We have to get rid of the nukes» [Trump 2019].* С помощью парцелляции президент США

акцентирует внимание на определенных моментах и тем самым структурирует текст, выражая свое мнение.

Отличительной чертой коммуникативного речевого поведения Д. Трампа является то, что, когда речь в вопросах журналиста касается лидера другой страны или же другого важного в политическом плане человека, он не скупится на комплименты ему и его стране: «*Well, I like President Moon very much. We have a great relationship. Believe it or not, I have a great relationship with almost every leader. A lot of people find that hard to understand, but I do. But some take advantage of our country like you wouldn't believe. And when they know I know it -- which I know in every case -- maybe it sort of freezes them up a little bit. But we do; we have a lot of good relationships*» [Trump 2018]. Такая тактика позволяет Д. Трампу усиливать свою коммуникативную позицию.

Д. Трамп во время пресс-конференций активно пользуется **стратегией на повышение**, то есть показывает свою значимость в глазах слушателей и представляет себя в выгодном свете. Такую стратегию он осуществляет с помощью **тактики анализ – «плюс»** [см. Приложение 1], то есть анализирует ситуацию в положительном ключе: «*You look at what's happened to our country; we've picked up trillions and trillions of dollars of net worth. Our stock market is almost at its all-time high. Our economy is incredible. Our unemployment numbers are among the best we've ever had in our history. So we have the strongest economy, probably, possibly that we've ever had*» [Trump 2019]. Президент США описывает ситуацию в стране с положительной стороны, используя лексику с положительной коннотацией.

Таким образом, можно сказать, что В. Путин и Д. Трамп имеют точки соприкосновения в использовании коммуникативных стратегий и тактик. Оба лидера пользуются стратегиями на повышение и на понижение, но применяют разные тактики в реализации этих стратегий. Несмотря на то, что политики используют одинаковые стратегии, они пользуются разными речевыми приемами, что говорит о различиях в их коммуникативном поведении.

3.2. Интертекстуальность как характерная особенность президентского дискурса

Речь оратора является совокупностью различных элементов. Такая речь может включать в себя переплетение уже ранее существующих текстов. Исходя из этого следует рассматривать такое понятие как «интертекст».

Понятие интертекста было введено Ю. Кристевой, Она обозначала им такое явление, когда в одном тексте перемешаны различные культурные элементы [Кристева 1967]. Интертекст является трансформацией ранее созданных текстов, в которых другие тексты приобретают смысл, планируемый автором.

Исследователь В.П. Москвин считает, что интертекст — это «ассоциативная база для приемов цитирования, аппликации, аллюзии, перефразы, травестирирования и других фигур интертекста» [Москвин 2013].

Феномен интертекстуальности рассматривается М.М. Бахтиным в его идее несобственно-прямой речи. Ученый объясняет несобственно-прямую речь как промежуточное положение между косвенной и прямой речью. Такая речь является косвенной, так как принадлежит автору, а с другой стороны – содержит цитирование.

В любом тексте можно найти элементы цитирования. Автор может даже ненамеренно вставить в свою речь интертекст. Исходя из этого можно сказать, что процесс создания текста невозможен без опоры на ранее существующие известные тексты и сопровождающие их ситуации.

Р. Барт утверждает, что «каждый из нас отнюдь не первым и не последним пользуется словами, оборотами, синтаксическими конструкциями, даже целыми фразами, жанрами дискурса, хранящимися в «системе языка», которая напоминает не столько «сокровищницу», предназначенную для нашего индивидуального употребления, сколько «пункт проката»: задолго до нас все эти единицы и дискурсивные комплексы прошли через множество

употреблений, через множество рук, оставивших на них те или иные неизгладимые следы» [Барт 1994].

Согласно мнению исследователей Ю. Кристевой, М.М. Бахтина и Р. Барта, текст переплетает в себе предшествующие тексты и способствует созданию на их основе следующих [Барт 1994; Бахтин 2000; Kristeva 1980].

Каждая культура содержит в себе тексты, в которых интертекстуальность подкрепляется известностью автора текста. Исследователь Ю.Н. Караулов ввел понятие «прецедентный текст», которое представляет собой частный случай интертекстуальности. У такого понятия есть три ключевых особенности:

- 1) частое обращение к такому тексту в дискурсе языковой личности;
- 2) известность этого текста окружению данной личности (как предшественникам, так и современникам);
- 3) значимость текста для личности в эмоциональном и познавательном отношениях [Караулов 2007].

Такой текст может информировать о системе ценностей, мотивах деятельности личности, характерных свойствах и типичных коммуникативных стратегиях [Гришаева 2008].

В своих исследованиях концептов прецедентных текстов Г.Г. Слышкин выделил несколько основных функций, которые характерны для таких текстов:

- 1) парольную;
- 2) игровую;
- 3) персуазивную;
- 4) номинативную [Слышкин 2000].

В политическом дискурсе апелляция к прецедентным текстам является значимым риторическим компонентом. Использование такого рода текстов помогает политику приобщиться к общественным, морально-этическим, историческим традициям страны.

Интересно проследить, какой тип авторства востребован в президентском дискурсе, на кого ссылаются в своих речах президенты США и РФ.

В речах В. Путина часто можно проследить использования народных выражений. В одной из своих речей В. Путин использовал поговорку-эпиграф комедии Н.В. Гоголя «Ревизор»: *«Но, во-первых, он был таким, когда Алексей Леонидович был вице-премьером российского Правительства, поэтому нечего на зеркало пенять, коли рожа крива, – у нас так в народе говорят»* [Путин 2017].

В. Путин использовал перефраз из пьесы А.К. Толстого «Царь Федор Иоанович» с наложением на драму Пушкина «Борис Годунов»: *«Русский, российский тезис «царь – хороший, а бояре они – воры и разбойники»* [Путин 2018].

В. Путин в своей речи использует прецедентный текст из «Слова о Полку Игоревом»: *«Когда майские указы, если Вы вспомните, только вышли, сразу начался «плач Ярославны» по поводу того, что они неисполнимы и что это слишком большая нагрузка на бюджеты всех уровней, что это потащит развитие экономики вниз, что нельзя так планировать повышение заработных плат, что это неприемлемо, заработных плат в бюджетной сфере прежде всего»* [Путин 2018].

Здесь В. Путин обращается и к речи великого русского ученого М.В. Ломоносова: *«Я говорил и хочу ещё раз повторить, перефразировать великого Ломоносова, когда он говорил, что богатство России будет прирастать Сибирью. Теперь богатство России должно прирастать Арктикой»* [Путин 2017].

Ниже приведены некоторые примеры интертекстуальности в речи Трампа.

«And when you had all of these great companies spending billions and billions dollars coming into our country – they couldn't talk about it – they'd only mention the one plant that was a GM plant from a very long time ago» [Trump

2019]. «*Billions and billions*» — это типичная фраза широко известная привычной аудитории Д. Трампа из сферы бизнеса. Для него привычно говорить о больших суммах денег.

«*Rocketman should have been handled long ago*» [Trump 2018] – здесь Д. Трамп ссылается на популярную культуру, а именно на песню Элтона Джона «*Rocket man*» и на одноименного кинематографического персонажа. Президент США говорит это, характеризуя отношения с президентом КНДР Ким Чен Ыном, высмеивая его. Используя такое несерьезное слово в отношении лидера другой страны, Д. Трамп показывает свою власть и контроль над ситуацией.

Д. Трамп часто обращается к нации со словами: «*God bless the United States of America*» [Trump 2018]. Так он показывает в очередной раз, что его центральной темой является его нация, США. Комбинация интертекстуальности и аргументации являются инструментами, которые Трамп использует, чтобы убедить аудиторию в том, что он сосредоточен на собственной нации.

Таким образом, можно сказать, что В. Путин и Д. Трамп используют разные виды интертекста. Если президент РФ чаще всего обращается к литературе, то Д. Трамп может использовать лексику бизнеса и массовой культуры. Это связано с различиями в культуре США и РФ, а также с значительными отличиями личных характеристик ораторов.

3.3. Невербальные средства воздействия в президентской риторике

Для анализа коммуникативных стратегий и тактик В. Путина и Д. Трампа важен характер и роль невербальных элементов.

Невербальное воздействие, по мнению О.П. Фесенко, это «воздействие при помощи несловесных средств, которые сопровождают слова (жесты,

мимика, поза, внешность говорящего, дистанция до собеседника)» [Фесенко 2015].

Невербальный компонент в политическом дискурсе играет важную роль в завоевании симпатии аудитории. Они могут как оттолкнуть, так и привлечь внимание аудитории. Жесты, сопровождающие речь, оказывают влияние на адресата, а также могут опровергнуть или подтвердить сказанное оратором. Жесты несут информацию о человеке, его психологическом состоянии, отношении к событию, личности или предмету. Необходимо отметить, что к невербальным знакам относятся не только жесты, но и выражение лица человека, поза, тембр голоса и взгляд.

Эмоционально-изобразительные жесты в политическом дискурсе сопровождают речь и помогают оратору дать оценку сложившейся ситуации и выразить свои эмоции. Для того чтобы достичь поставленных целей, оратору необходимо следить за тем, чтобы невербальная составляющая его выступления находилась в соответствии с той информацией, которую говорящий хочет донести.

Существует несколько принципов использования невербальных средств [Пожарская 2013]:

1. Широта жестов. В контексте политического дискурса имеет важное значение широта жестов оратора. Оптимальным для выступающего будет принимать решение о широте жестов в зависимости от численности аудитории (чем больше аудитория – тем шире жесты), но все же не рекомендуется использование максимально открытых рук.

Д. Трамп чаще всего держит руки на уровне глаз и делает достаточно открытые, широкие жесты [см. Приложение 2]. Обычно такие жесты используют те, «кто хотел бы быть замеченным и подчеркнуть свою значимость» [Степанов 2001].

В. Путин не поднимает рук выше плеч, его движения менее широкие и открытые, нежели у Д. Трампа, что говорит о сдержанности президента РФ.

2. Симметричность жестов. Люди склонны использовать симметричные жесты для того, чтобы не отвлекать внимание аудитории и не затруднять понимание речи. Симметричные движения помогают оратору в создании выразительности, а также четкости и уверенности своей речи.

Для Д. Трампа характерна хаотичность и произвольность в жестах. Его жесты не гармоничны, он не задерживается на одном жесте руки дольше, чем на несколько секунд. Остановившись на определенном жесте одной руки больше пяти секунд, оратор не сохраняет очередность, что говорит об его эмоциональности и несдержанности.

В. Путин часто не делает симметричных движений. Он жестикулирует одной рукой, показывая «набор визуальных стимулов, усиливающих воздействие и способствующих передаче сообщения» [Лешутина 2008].

3. Соответствие жестов содержанию речи (конгруэнтность, см.: [Стернин 2008]). То, о чем говорит оратор, не должно идти в разрез с жестами, которые он демонстрирует. Аудитория, на которую направлено сообщение оратора, улавливает несовпадения речи и жестов, что может негативно сказаться на достижении целей оратора.

Д. Трамп обладает характерной резкой и отрывистой речью, при том что движения, которые он использует, также достаточно энергичные. Это соответствует речи и является оптимальным для данного оратора.

Размеренные и осознанные движения В. Путина соответствуют содержанию речи. Он не делает резких движений и создает впечатление спокойного и уравновешенного человека.

Существует другой подход к рассмотрению невербальной составляющей политического выступления. Некоторые характерные для выступающего черты характера влияют на выбор тех или иных жестов. Следует отметить самые важные жесты, используемые в выступлениях [Столяренко 2014]:

1. Жесты расположения (прикладывание руки к груди).

2. Жесты уверенности/неуверенности (соединение пальцев в купол пирамиды/ переплетенные пальцы рук).
3. Жесты доминирования (выставление больших пальцев напоказ, резкие взмахи сверху вниз).
4. Жесты самоконтроля (руки заведены за спину, одна при этом сжимает другую).
5. Жесты отрицания (скрещенные руки; касание кончика носа).

Следует отметить, что ни у Д. Трампа ни у В. Путина в ходе выступлений не наблюдаются жесты самоконтроля, отрицания, расположения.

Оба оратора пытаются выбрать для себя основную позу, в которой они будут сидеть. Это говорит о том, что они уделяют внимание невербальной составляющей своих выступлений.

В. Путин ведет себя достаточно сосредоточенно, при этом не напряженно. Жесты, которые он использует, плавные и расслабленные. Он ведет себя уверенно, делает паузы в речи, что позволяет аудитории усвоить то, о чем президент говорит. Однако жесты В. Путина не отличаются многообразием. Можно выделить некоторые чаще всего повторяемые: руки, сцепленные в замок; одна рука опирается на локоть, другая жестикулирует; держать ручку [см. Приложение 2]. Такие жесты производятся на уровне туловища, они совпадают с речью и сохраняют гармоничность выступления. В моменты напряжения В. Путин часто перебирает пальцами, крутит их, сжимает, пытаясь взять себя в руки [см. Приложение 2]. Также он поправляет галстук, что является жестом-адаптером, т. е. жестом, способствующим уменьшению или снятию внутреннего напряжения [Ильин 2013]. Периодическое вставание на стуле можно расценивать как желание уйти от неприятного вопроса. Стресс проявляется в частом поджимании губ, что говорит о сдерживании и контроле негативных эмоций, переживании.

Выступления Д. Трампа более экспрессивны. Он использует эмоциональные жесты, которые помогают ему убеждать аудиторию в своей искренности и честности. Частая поза президента США – купол из рук и жест «шпиль» [см. Приложение 2]. Это говорит о том, что он разбирается в

невербальных сигналах тела, но выбор одной и той же позы выдает его желание контролировать жесты и создавать определенное впечатление. Поза достаточно удачная, но легкое волнение Д. Трампа все же можно заметить по малозаметным движениям того же жеста. Это проявляется в постукивании пальцами рук и периодическом подергивании ногами. В моменты, когда Д. Трамп произносит речь, мы можем заметить, что бессознательно жест размыкается, говорящий пытается выбрать наиболее удобное положение, затем Д. Трамп их возвращает обратно, что демонстрирует сознательный контроль тела. Так же президент США чередует такие жесты как «щипок» и «буква L» [см. Приложение 2]. Такими жестами он убеждает аудиторию в том, что знает, о чем говорит. Жесты, которые использует Д. Трамп, воздействуют на аудиторию и хорошо сочетаются с его речью.

Невербальная составляющая является важной частью политического выступления. Благодаря грамотному использованию невербальных компонентов оратор может достичь своей цели. Невербальные средства коммуникации позволяют создать положительный образ оратора на основе его жестов, поз и мимики. Для эффективного выступления оратор должен блокировать негативную кинесику и презентовать позитивные кинетические сигналы. В. Путин и Д. Трамп в некоторых стрессовых ситуациях не могут в полной мере контролировать свои жесты и позы, но чаще всего они грамотно подходят к выбору невербальных средств коммуникации.

Выводы к главе III

В. Путин и Д. Трамп имеют точки соприкосновения в использовании коммуникативных стратегий и тактик. Оба лидера пользуются стратегиями на повышение и на понижение, но применяют разные тактики в реализации этих стратегий и пользуются разными речевыми приемами, что говорит о разности их коммуникативного поведения.

Интертекстуальность присутствует как в речах В. Путина, так и Д. Трампа, но они используют интертекст из разных сфер жизни. Если В. Путин чаще всего обращается к литературе, то Д. Трамп может использовать лексику бизнеса и массовой культуры. Это связано с различием культур США и РФ, а также с значительными отличиями личных характеристик ораторов.

Невербальная составляющая является важной частью политического выступления В. Путина и Д. Трампа. Невербальные средства коммуникации помогают им создать свой положительный образ на основе жестов и поз. Для эффективного выступления оратор должен блокировать негативную кинесику и презентовать позитивные кинетические сигналы. В. Путин и Д. Трамп в некоторых стрессовых ситуациях не могут в полной мере контролировать свои жесты и позы, но в основном они грамотно подходят к выбору невербальных средств коммуникации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Отталкиваясь от понимания дискурса как текста, взятого в событийном аспекте, политический дискурс рассматривается как тематически определенный текст, который выражает интересы субъектов политики в процессе их деятельности, рассматриваемый в конкретной ситуации общения. Политику при этом можно рассматривать как систему, которая действует в рамках государственных институтов и имеет цель извлечь выгоду из взаимных контактов и перераспределения властных ресурсов.

Жанр можно определить как совокупность элементов выражения языковой деятельности, который отражает предназначение речи. Являясь целеполагающей характеристикой речи, жанр связан с деятельностным аспектом жизни человека.

Политический дискурс можно представить как глубоко специфичный вид жанрового пространства. Он определяется как совокупность элементов выражения языковой деятельности, который отражает предназначение речи.

Политический дискурс тематически определен и ограничен сферами распространения политики.

Диалогические жанры политической риторики в политическом дискурсе являются сложными образованиями, которые включают в себя различные экстралингвистические и лингвистические факторы.

Диалогический дискурс в коммуникационном процессе находится в постоянном взаимодействии и перекрещивается с другими видами дискурса. Цель публичного выступления политика является главным элементом в характеристике диалогической формы политического дискурса.

В. Путин и Д. Трамп имеют точки соприкосновения в использовании коммуникативных стратегий и тактик. Оба лидера пользуются стратегиями на повышение и на понижение, но применяют разные тактики в их реализации. Несмотря на то, что политики используют одинаковые стратегии, они

пользуются разными речевыми приемами, что демонстрирует различия их коммуникативного поведения.

Интертекстуальность в речах В. Путина и Д. Трампа присутствует, но включают в свои выступления тексты из совершенно разных сфер жизни. Если В. Путин чаще всего обращается к произведениям литературы, то Д. Трамп может использовать лексику бизнеса и массовой культуры. Это связано с различием культур США и РФ, а также с значительными отличиями личных характеристик ораторов.

Невербальная составляющая является важной частью политического выступления В. Путина и Д. Трампа. Невербальные средства коммуникации помогают им создать положительный образ на основе жестов и поз. Для достижения эффективности выступления оратор должен блокировать негативную кинестику и презентовать позитивные кинетические сигналы. В. Путин и Д. Трамп в стрессовых ситуациях не могут в полной мере контролировать свои жесты и позы, но чаще всего они грамотно подходят к выбору невербальных средств коммуникации.

Диалогический политический дискурс может быть охарактеризован совокупностью жанрового, социолингвистического, функционального, и риторического подходов.

Проанализировав политические выступления В. Путина и Д. Трампа, можно сказать, что политики пользуются определенными стратегиями и тактиками, контролируют свою невербальную составляющую и используют в своих речах элементы интертекстуальности.

Политический язык, как официальный язык государственной власти, является сферой повышенной речевой ответственности, что обосновывает важность применения определенных стратегий и тактик в политических выступлениях. Необходимо подчеркнуть, что коммуникативные тактики и стратегии, используемые политическими лидерами, влияют не только на образ политика, но и на формирование имиджа страны.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алиева, Т.В. Концептуальная оппозиция «свой — чужой» в политическом дискурсе прессы США (на материале публикаций, посвященных электоральной кампании) // Филологические науки в МГИМО, 2008. Вып. 34 (49). М.: МГИМО (У) МИД России. С. 18—26.
2. Арутюнова, Н. Д. Дискурс//Лингвистический энциклопедический словарь. -М.: «Советская энциклопедия»,1990. –685 с.
3. Барт, Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М., 1989.
4. Бахтин, М. М. Проблема речевых жанров [Текст] / М. М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986. – 432 с.
5. Варшавская, А. И. Смысловые отношения в структуре языка: (на материале современного английского языка) [Текст] / А. И. Варшавская. – Ленинград: ЛГУ, 1984. – 135 с.
6. Гольдин, В. Е. Проблемы жанроведения // Жанры речи. Вып. 2. Саратов, 1999.
7. Гришаева, Л.И. Прецедентный текст как универсальное средство передачи и хранения культурной информации. Политическая лингвистика 1(24)'2008
8. Дементьев, В. В., Седов К. Ф. Социопрагматический аспект теории речевых жанров. Саратов: Изд-во Саратов. Пед. Ин-та, 1998. – 107 с.
9. Долинин, К.А. Речевые жанры как средство организации социального взаимодействия // Жанры речи. – 1999. - №2. – с. 27-36.
10. Дубровская, Т. В. Речевые жанры «осуждение» и «обвинение» в русском и английском речевом общении – теория языка. Научный руководитель: д.н.ф., проф. М.А. Кормилицина. Саратовский гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского, Саратов, 2003. – 233 с.
11. Дускаева, Л.Р. Диалогическая природа газетных жанров. СПб., 2012.

12. Земская, Е. А. Городская устная речь и задачи ее изучения // Разновидности городской устной речи; [под ред. Д. Н. Шмелева, Е. А. Земской]. М.: Наука, 1988. – с. 5-44.
13. Ильин, Е.П. Психология общения и межличностных отношений. – СПб.: Питер, 2013. – 576 с.
14. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность [Текст] / Ю. Н. Караулов. – Изд. 6-е. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007.
15. Кашкин, В.Б. Введение в теорию коммуникации [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.dere.com.ua/library/kashkin/06.shtml>
16. Копнина, Г.А. Речевое манипулирование: учебное пособие [Текст] / Г.А. Копнина. – М.: Флинта, 2008. – 176 с
17. Кристева, Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики. 2004. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОС-СПЭН). – Сер.: Книга света. – 656 с.
18. Крылова, О. А. Лингвистическая стилистика. Кн. 1 Теория. Уч. Пособие. М., 2006.
19. Лешутина, И. Риторика. Искусство публичного выступления. – Pretext, 2008. – 302 с.
20. Лингвистический энциклопедический словарь/ Под ред. В. Н. Ярцевой; Ин-т языкознания АН СССР. — М.: Сов., 1990.-688
21. Маслова, В.А. Политический дискурс: языковые игры или игры в слова? [Электронныйресурс]/В.А. Маслова. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/maslova-08.htm>
22. Михалева, О.Л. Политический дискурс. Специфика манипулятивноого воздействия..М.: Либроком, 2009. 256 с.
23. Михалева, О.Л. Политический дискурс: способы реализации агональности [Электронныйресурс]/О.Л. Михалева. URL: <http://www.rus-lang.com/about/group/mikhaleva/state2>
24. Михальская, А. К. Основы риторики: мысль и слово [Текст] / А. К. Михальская. – М.: Просвещение, 1996. 416 с.

25. Москвин, В. П. К соотношению понятий «речевой жанр», «текст», и «речевой акт» [Текст] // Жанры речи: сборник научных статей. - 2005. - № 4. – с. 63-75.
26. Москвин, В. П. Интертекстуальность. Понятийный аппарат: фигуры, жанры, стили. - Либроком, 2011. - 164 с.
27. Плотникова, С.Н. Политик как конструктор дискурса реагирования [Текст] / С. Н. Плотникова // Политический дискурс в России: Святыне без житий: Материалы постоянно действующего семинара / под ред. В. Н. Базылева
28. Пожарская, А.М. Эту речь невозможно забыть. Секреты ораторского мастерства. – СПб.: Питер, 2013. – 160 с.
29. Попова, Т. И. Телевизионное интервью как модель речевого поведения // Язык, культура и общение в условиях краткосрочного обучения. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. С. 221-227.
30. Рублева, Е. В. Лингвопрагматические аспекты политической теледискуссии [Текст]: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. – с. 24
31. Серио, П. Русский язык и анализ советского политического дискурса: анализ номинализации // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса / Пер. с фр. и португ. М., 1999
32. Слышкин, Г.Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. – М.: Academia, 2000
33. Степанов, С. Язык внешности. Жесты, мимика, черты лица, почерк и одежда. – Эскмо-Пресс, 2001. – 415 с.
34. Стернин, И.А. Практическая риторика. — М.: Академия, 2008. — 272 с.
35. Столяренко, Л.Д. Психология делового общения. Шпаргалка: учебное пособие [Текст] Л. Д. Столяренко. – Оригинал-макет, 2014. – 256 с.
36. Сухих, С.А. Прагмалингвистическое измерение коммуникативного процесса: автореф. Дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 1998.

37. Тюрина, С. Ю. Дискурс как объект лингвистического исследования [Электронный ресурс]. URL.:http://globateka.ru/referat/doc_details/11027.html
38. Федосюк, М. Ю. Нерешенные вопросы теории речевых жанров // Вопросы языкознания. – 1997. - № - С. 102-120.
39. Фесенко, О. П. Академическая риторика: учебное пособие [Текст] О. П. Фесенко. – Омск: Изд-во АНО ВПО «Омский экономический институт»; ОАБИИ, 2015. – 329 с.
40. Филлипс Л.Дж., Йоргенсен М.В. Дискурс анализ: теория и метод/ Пер. с англ. /Под ред. А. А. Киселевой. Харьков: Изд-во Гуманитарного центра, 2004. 336 с.
41. Шейгал, Е. И., Иванова Ю. М. Предвыборные теледебаты как жанр стратегической коммуникации [Текст] / Е.И. Шейгал, Ю.М. Иванова // RESPECTUS PHILOLOGICUS. Vilniaus universiteto Kauno humanitarinis facultetas - 2004. - № 5 (10). - С. 29-41.
42. Шмелева, Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи: сб. науч. Статей / под ред. В.Е. Гольдина. Вып. 1. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1997. С. 88-98.
43. Blokh, M. Ya. Voprosy yazykoznaniiya. 2000. No. 4. Pp. 56-67.
44. Dieckmann, W. Politische Sprache, Politische Kommunikation: Vortrage, Auf-satze, Entwurfe. Heidelberg: Winter, 1981. – 279 s.
45. Dijk, T.A. Discourse and manipulation. London: Sage, 1998. 374 p.
46. Fairclough, N. Media discourse. L. [Text] / N. L. Fairclough. – London, New York: Routhedge, - 1995.
47. Fairclough, N.L. New Labour, New Language? [Text] / N. L. Fairclough. – London, New York: Routhedge, 2003.
48. Girnth, H. Muttersprache. 1996. 106. Pp. 66-80.
49. Mills, S. Discourse (The New Critical Idiom): - Routledge, 2004. 176 p.

50. Schiffrin, D., Tannen D., Hamilton H. The handbook of discourse analysis - John Wiley & Sons, 2008. – 872 p.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Большая пресс-конференция Владимира Путина 14 декабря 2017 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: kremlin.ru/
2. Большая пресс-конференция Владимира Путина 20 декабря 2018 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: kremlin.ru/
3. Ответы Владимира Путина на вопросы журналистов в Буэнос-Айресе 1 декабря 2018 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: kremlin.ru/
4. Пресс-конференция Владимира Путина в Сингапуре 15 ноября 2018 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: kremlin.ru/
5. Пресс-конференция по итогам переговоров президентов России и США 16 июля 2018 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: kremlin.ru/
6. Joint Press Conference with President Trump and German Chancellor Merkel March 17, 2017 [Электронный ресурс]. Режим доступа: whitehouse.gov/
7. Press Conference by President Trump After G7 Summit June 9, 2018 [Электронный ресурс]. Режим доступа: whitehouse.gov/
8. Press Conference by President Trump Feb 28, 2019 [Электронный ресурс]. Режим доступа: whitehouse.gov/
9. Press Conference by President Trump June 12, 2018 [Электронный ресурс]. Режим доступа: whitehouse.gov/
10. Remarks by President Trump on Ending Surprise Medical Billing May 9, 2019 [Электронный ресурс]. Режим доступа: whitehouse.gov/

Стратегии и тактики, выявленные в выступлениях В. Путина

1. Стратегия театральности, тактика свой-чужой:

«Мы не выходили из основополагающих договоров, которые являются, являлись краеугольным камнем международной безопасности. Мы не выходили из Договора по ПРО, Соединённые Штаты вышли в одностороннем порядке. Теперь мы слышим действительно разговоры о проблемах по Договору о ракетах малой и средней дальности. Судя по всему, создаются условия и проводится информационно-пропагандистская работа для возможного выхода Соединённых Штатов и из этого Договора, тем более что по факту они уже вышли. Они пытаются нас в чём-то упрекнуть и обвинять, а сами-то они что сделали? Они поставили системы – противоракетные якобы – в Румынии. А как они поставили? Они поставили пусковые системы «Иджис», сняли их просто с моря и поставили. Но в этих системах противоракеты можно легко заменить просто на ракеты средней дальности. То есть, по сути, уже процесс пошёл по факту. Если и дальше так дело пойдёт, ничего хорошего в этом нет. Мы сами выходить никуда ниоткуда не собираемся» [Путин 2018].

2. Стратегия на понижение, тактика анализ-«минус»:

«И наконец, самое главное, по поводу того, способна ли сегодняшняя власть что-то сделать для урегулирования. На мой взгляд, нет. Пока такие люди будут у власти в Киеве, вряд ли можно рассчитывать на мирное решение вопросов на этих территориях. Тем не менее мы считаем, что другого пути нет и всё равно придётся договариваться. Надеюсь, что люди, которые возглавят страну в будущем, кто бы это ни был, – мы, кстати говоря, в любом случае будем уважать выбор украинского народа, будем работать со всеми – всё-таки придут к выводу о том, что другого пути,

кроме мирного, не существует, и нужно выполнять Минские соглашения» [Путин 2018].

3. Стратегия на повышение, тактика отвода критики:

«Реакция спокойная. Я не знаю, удалось их в этом убедить или не удалось, это у них надо спросить, но мы изложили свою позицию, да и не только позицию, мы изложили хронологию развития ситуации. Против этого трудно что-то возразить. Какие могут быть возражения, если в судовом журнале прямо записано, что этим кораблям ставится задача скрытно проникнуть в наши территориальные воды и скрытно пройти Керченский пролив? Что это такое? Это спланированная провокация, так и есть. Из документов усматривается и из показаний самих моряков. Вот и всё. Ну что здесь скажешь? Здесь возразить-то нечего. Не знаю, убедил я их или не убедил – меня другое беспокоит. Вы знаете что? Ведь я уже говорил, хочу повторить: при более масштабных событиях, связанных с Украиной, никто не вводил военного положения, а теперь, в преддверии выборов, надо обязательно это сделать. Для чего? Естественно, для того чтобы ограничить гражданские права и свободы, ограничить политическую деятельность в стране. Но что ещё хуже – ведь ввели это военное положение в десяти областях, как раз в тех, в которых действующий президент не пользуется особой поддержкой и его политика не находит там единодушного одобрения. Но что это значит? Вот подумайте: это значит, что действующее руководство Украины своими руками разделило страну на благонадёжную и не очень. Более грубой ошибки я даже представить себе не могу» [Путин 2018].

«Я думаю, что, когда такие заявления делаются и происходят какие-то сравнения, Россия ставится в один ряд с какими-то террористическими группировками и так далее, – давайте это оставим на совести тех, кто это говорит и делает. Что касается терроризма, Россия, наверное, является страной номер один, которая вносит самый существенный вклад в борьбу с терроризмом. Ну а такие заявления продиктованы, как правило, желанием

показать своему избирателю, показать своему населению жёсткость позиции того или иного политика. Это всё делается в расчёте прежде всего на получение дополнительных очков внутри своей собственной страны» [Путин 2018].

Стратегии и тактики, выявленные в выступлениях Д. Трампа

1. Стратегия на понижение, анализ-«минус»:

«Well, you know, you have to ask President Obama, because he was the one that let Crimea get away. That was during his administration. And he was the one that let Russia go and spend a lot of money on Crimea, because they've spent a lot of money on rebuilding it. I guess they have their submarine port there and such. But Crimea was let go during the Obama administration. And, you know, Obama can say all he wants, but he allowed Russia to take Crimea. I may have had a much different attitude. So you'd really have to ask that question to President Obama — you know, why did he do that; why did he do that. But with that being said, it's been done a long time» [Trump 2017].

«You look at the horrible NAFTA transaction — NAFTA has been a disaster for the United States. It's been a disaster for companies, and in particular, it's been a disaster for the workers. A lot of the companies just moved, but the workers are screwed. And it's probably the reason I'm standing here, maybe number one — that and maybe the military — building up our military, which we will do, and we will be stronger than ever before — and hopefully not have to use it. But we will be stronger, and perhaps far stronger than ever before» [Trump 2018].

2. Стратегия на повышение, анализ-плюс:

«We have the strongest economy that we've ever had in the United States — in the history of the United States. We have the best unemployment numbers. Black unemployment, the lowest in history. Hispanic unemployment, the lowest in history. I don't mean the lowest in the last 10 years or 20 years. The lowest in the history of this country. Black unemployment is doing the best it's ever done. Hispanic doing

the best. Women are now up to 21 years. Soon it's going to be the best ever in its history — in the country's history» [Trump 2017].

«We're a very powerful company — country. We're a very strong, very strong country. We'll soon be at a level that we perhaps have never been before. Our military is going to be strengthened — it's been depleted» [Trump 2017].

**Невербальные средства воздействия в президентской риторике,
выявленные в выступлениях Д. Трампа**

1. Открытые, широкие жесты:

2. Жест «шпиль»:

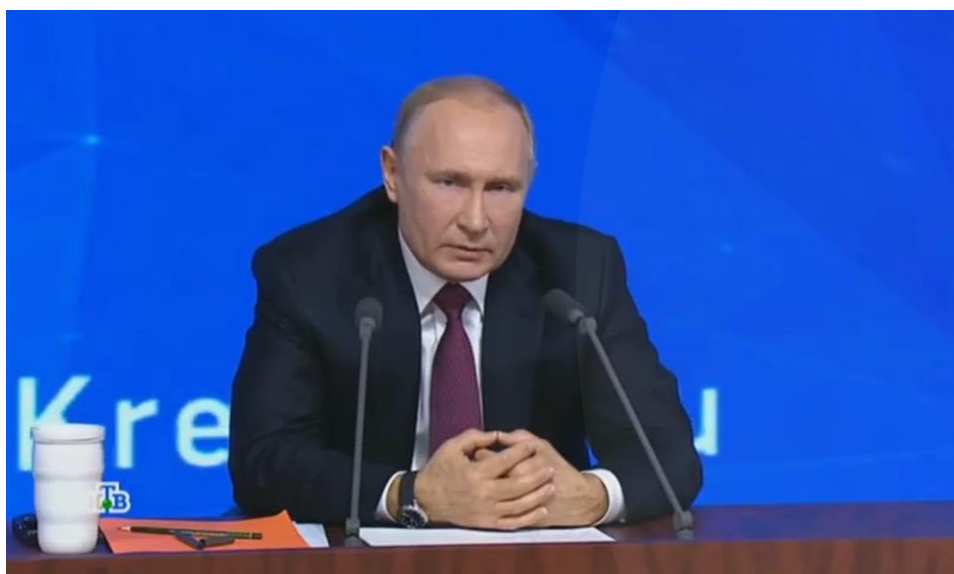

3. Жест «щипок»:

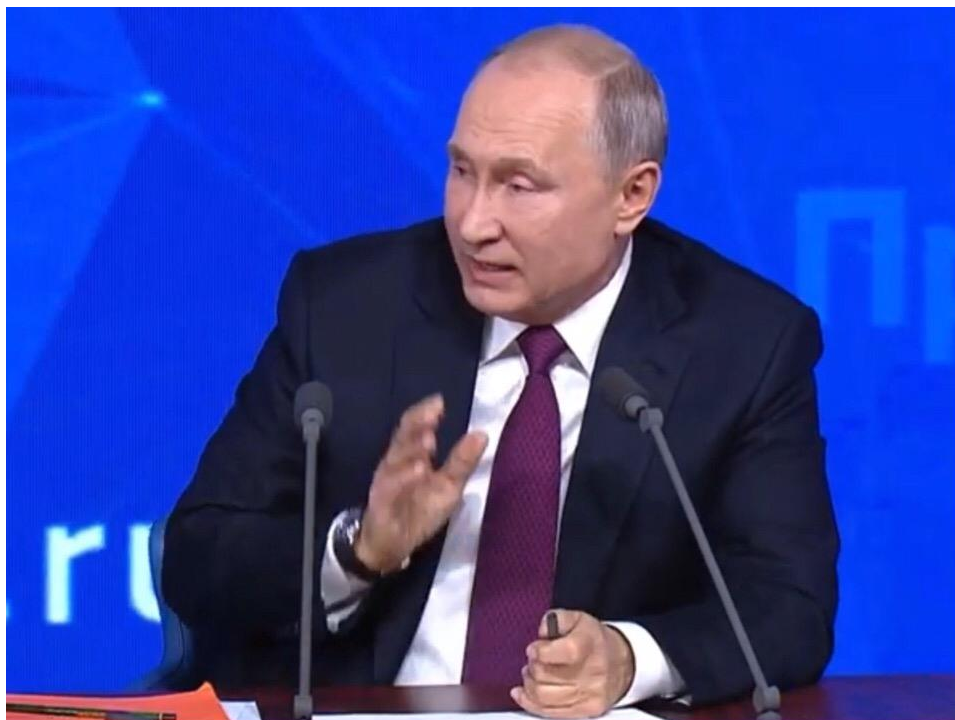

Невербальные средства воздействия в президентской риторике, выявленные в выступлениях В. Путина

1. Руки, сцепленные в замок:

2. Одна рука опирается на локоть, другая жестикулирует:

3. Перебирает пальцами:

